

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1846.

СЕНТЯБРЬ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ

въ 1716, 1717 и 1718 годахъ (*).

Тукъ-Караганъ, по-Трухменски Тупъ-Караганъ, есть мысъ, далеко вдавѣйся въ Каспійское море; съ Сѣверной стороны его омываетъ заливъ, принимающій въ себя рѣки Яикъ (Ураль) и Эмбу. Русскіе издавна ѣздили на этотъ мысъ компаніями изъ Астрахани, для торговли съ Трухменцами; такая же компанія посѣтила мысъ и въ 1713 г. Къ ней явился Ходжа Нефесъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ лицъ Трухменскаго колѣна, и убѣждалъ Русскихъ взять его съ собою въ Астрахань, объявляя, что онъ хочетъ сдѣлать самыя выгодныя предложенія Русскому Государю. Въ Астрахани жилъ тогда Персидскій Князь изъ Гиляна, названный, по принятіи Св. Крещенія, Княземъ Самановымъ. Онъ познакомился съ Нефесомъ, и вскорѣ такъ подружился съ нимъ, что Нефесъ открылъ ему тѣ предложенія, которыя хотѣлъ онъ сообщить Русскому Государю. Предложенія эти состояли въ томъ, чтобы Петръ Великій взялъ въ свое владѣніе всѣ области, ле-

(*) Свѣдѣнія объ этомъ посольствѣ заимствованы изъ журналовъ Гг. Соймонова и Тевкелева.

жащія по берегамъ рѣки Аму-Дарьи, гдѣ находится золотой песокъ, и что въ этомъ предпріятіи ему будутъ помогать Трухменцы. Но хотя устье Аму-Дарьи, которымъ эта рѣка впадала прежде въ Каспійское море, и запружено теперь Узбеками и рѣка отведена въ Аральское море, для того чтобы обезопасить себя отъ Русскихъ, однакожь можно было перекопать плотину и возстановить теченіе рѣки по старому руслу. Самановъ, радуясь такой находкѣ и надѣясь чрезъ то обратить на себя вниманіе Государя, взялся проводить Трухменца въ Москву и Петербургъ. По прибытіи ихъ на мѣсто, пріѣхалъ въ столицу и Князь Гагаринъ, Губернаторъ Сибирскій, съ донесеніемъ, что въ Малой Бухаріи есть золотые пески. Это было весною 1714 г. Случай свелъ Саманова съ Черкесскимъ Княземъ Александромъ Бековичемъ, Капитанъ-Поручикомъ Гвардіи, который былъ въ большой милости у Государя. Бековичъ представилъ Саманова и Трухменца Петру Великому. Нефесъ открылъ свои предложенія и просилъ Государя, чтобы онъ приказалъ построить городъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде Аму-Дарья впадала въ Каспійское море, и снабдить его гарнизономъ человекъ изъ тысячи.

Хотя вѣроятнѣе, что перемѣна теченія Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи произошла отъ землетрясенія, которое возвысило землю на Восточной сторонѣ Каспійскаго моря и образовало море Аральское, или отъ пересыпи русла Аму-Дарьи столь необразованнымъ народомъ, какъ Узбеки; однакожь примѣръ рѣкъ на Окускѣ и Яскартѣ, впадавшихъ прежде въ Каспійское море, и страхъ Узбековъ отъ Русскихъ,

дѣлали нѣсколько вѣроятнымъ донесеніе Хивинскаго Посла Нефеса. И потому Петръ Великій предложилъ разузнать слѣды прежняго теченія Аму-Дарьи, съ цѣлію возстановить его. По завладѣніи Восточнымъ берегомъ моря, Петръ Великій видѣлъ двѣ выгоды для Государства, именно: доставлять золото въ Россію черезъ купеческое сословіе и открыть Россіи отсюда новый путь торговли съ Индіею. Князь Бековичъ, какъ способнѣйшій къ этому дѣлу, назначенъ былъ для изслѣдованія Аму-Дарьи.

Вскорѣ Бековичъ отправился изъ Петербурга къ своему назначенію. На пути заѣзжалъ онъ въ свое отечество Кабарду, чтобы взять съ собою вѣрныхъ друзей, и уже весною 1715 г. отправился изъ Астрахани водою къ Восточному берегу Каспійскаго моря, для изслѣдованія прежняго теченія Аму-Дарьи. Слѣды прежняго устья Аму-Дарьи появились ему въ Красноводскомъ заливѣ. Бековичъ не сомнѣвался, что откроетъ и самую плотину, если поидетъ далѣе сухимъ путемъ. Въ этой увѣренности, онъ отправился поспѣшно въ Россію; въ Февралѣ 1716 г., засталъ онъ Государя въ Либавѣ, въ Курляндіи, на пути въ Копенгагенъ, и донесъ ему объ успѣхѣ своемъ.

Петръ Великій, незадолго передъ этимъ, отправилъ въ Каспійское море Лейтенанта Александра Кожина, съ повелѣніемъ—сдѣлать описаніе береговъ Каспійскаго моря, впадающихъ въ него рѣкъ, гаваней и острововъ, по морскимъ правиламъ, и положить все это на карту. Кожину данъ Указъ 27 Генваря 1716 г., въ которомъ повелѣно ему соображаться съ описаніями Бековича, если они вѣрны.

Карта Бековича, заключавшая въ себѣ описаніе Восточнаго берега Каспійскаго моря, была основана болѣе на словесныхъ показаніяхъ, нежели на собственномъ изслѣдованіи. Эту карту Бековичъ привезъ тогда съ собою въ Петербургъ, для поднесенія Государю, и она долгое время служила основаніемъ для изданныхъ въ послѣдствіи картъ Каспійскаго моря. Лишь только возвратился Бековичъ, Петръ Великій тотчасъ снова послалъ его въ обратный путь и далъ ему инструкцію, которую мы выпишемъ здѣсь отъ-слова-до-слова. Вотъ она :

1) Надлежитъ надъ гаванью, гдѣ было устье Аму-Дарьи, построить крѣпость человекъ на тысячу, о чемъ просилъ и Посолъ Хивинскій.

2) Ъхать ему къ Хану Хивинскому Посломъ, а путь имѣть подлѣ той рѣки, и осмотрѣть прилежно теченіе оныя, такожъ и плотины, если возможно оную воду паки обратить въ старой токъ, ктомуужь прочія устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море.

3) Осмотрѣть мѣсто близъ плотинъ, или гдѣ удобно, настоящей Аму-Дарьи рѣки, для строеніяжъ крѣпости, тайнымъ образомъ ; а буде возможно будетъ, то и тутъ другой городъ сдѣлать.

4) Хана Хивинскаго склонить къ вѣрности и подданству, обѣщая наследственное владѣніе оному ; для чего представлять ему гвардію къ его службѣ и чтобъ онъ за то радѣлъ въ нашихъ интересахъ.

5) Буде онъ сіе предложеніе охотно приметъ, а станетъ желать той гвардіи, и безъ нея не станетъ ничего дѣлать, опасаясь своихъ людей : то оному ея дать, сколько пристойно, но чтобъ были на его пла-

тѣ, а буде станетъ говорить, что перьво нечѣмъ держать, то на годъ и на своемъ жалованьи оставить, а впредь чтобъ онъ платилъ.

6) Если симъ или инымъ образомъ склонится Хивинскій Ханъ, то просить его, дабы послалъ своихъ людей (при которыхъ и нашихъ два бы человѣка было) водою по Сыръ-Дарьѣ рѣкѣ вверхъ до Эркети (Эркения) городка, для осмотра золота.

7) Также просить у него судовъ, и на нихъ отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію, наказавъ, чтобъ извѣхалъ ее, пока суда могутъ итти, и оттоль бы поѣхалъ въ Индію, примѣчая рѣки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной къ Индіи, тою или другою рѣками, и возвратиться изъ Индіи тѣмъ же путемъ, или ежели услышитъ въ Индіи еще лучше путь къ Каспійскому морю, то онымъ возвратиться и описать.

8) Будучи у Хивинскаго Хана, провѣдать и о Бухарскомъ, не можно ль его, хотя не въ подданство (ежели того не лзя сдѣлать), но въ дружбу привести такимъ же маниромъ, ибо тамъ такожь Ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ.

9) Для всего сего надлежитъ дать регулярныхъ 4,000 чел., судовъ сколько потребно, грамоты къ обоимъ Ханамъ, также купчинѣ къ Ханамъ же и къ Моголу.

10) Изъ Морскихъ Офицеровъ Поручика Кожина и навигаторовъ человѣкъ пять или болѣе послать, которыхъ употребить въ обѣ посылки,—первая подъ образомъ купчины, другая къ Еркети.

11) Инженеровъ изъ учениковъ Колоновыхъ дать двухъ человѣкъ.

12) Нарядить Казаковъ Яицкихъ полторы тысячи, Гребенскихъ 500, да тысячу человѣкъ драгунъ и добраго командира, которымъ итти подъ образомъ провожанія каравана изъ Астрахани, и для строенія города: и когда оныя придутъ къ плотинѣ, тутъ велѣть имъ стать, и по той рѣкѣ, гдѣ плотина, прислать къ морю для провожанія его, сколько человѣкъ пристойно. Вышеписанному командиру накрѣпко смотрѣть, чтобъ съ обывателями земли ласково и безъ тягости обходился; и для дѣланія тамъ города отпустить съ помянутыми конными нѣсколько лопатокъ и кирокъ.

13) Поручику Кожину приказать, чтобъ онъ тамъ развѣдалъ о пряныхъ земляхъ и о другихъ товарахъ; и какъ для сего дѣла, такъ и для отпуска товаровъ придать ему Кожину двухъ человѣкъ добрыхъ людей изъ купечества, и чтобъ оныя были не стары.

По симъ пунктамъ Господамъ Сенату съ лучшею ревностію сіе дѣло какъ можно наискорѣе отправитъ, понеже зѣло нужно.

(Подписано рукою Царскаго Величества)

Въ Либавѣ, въ 24 день

Петръ.

Генваря 1716 года.

Въ этомъ же родѣ дана была инструкція и Кожину. Адмиралъ, Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ получилъ въ С. Петербургѣ Указъ, въ которомъ ему повелѣно было дать наставленіе Кожину,

какъ поступать съ порученіями Бековича, а на мѣсто Кожина, для снятія карты съ Каспійскаго моря назначить другаго Офицера. Апраксинъ поручилъ это дѣло Лейтенанту, Князю Василю Алексѣвичу Урусову. Но эта экспедиція тогда не достигла своей цѣли. 1716 годъ прошелъ въ путешествіи Бековича къ Астрахани и въ приготовленіяхъ къ морскому пути. Въ Казани изъ Шведскихъ плѣнниковъ составилъ онъ эскадронъ драгунъ и опредѣлилъ къ нимъ начальникомъ храбраго Каспара Франкенберга, Майора, Силезскаго Дворянина. Эти Шведскіе плѣнники были Саксонцы, которыхъ Карлъ XII взялъ на возвратномъ пути своемъ изъ Германіи и которые, не получивъ отъ Короля никакого содержанія, давнымъ-давно желали вступить въ Русскую службу. Они тѣмъ охотнѣе согласились теперь принять оружіе, что экспедиція эта назначена не противъ Шведовъ, а въ Хиву. Бековичъ взялъ также въ Казани Пензенскій полкъ, изъ Воронежа присоединился къ нему полкъ Крутойрскій, а въ Астрахани принялъ онъ команду надъ полкомъ Руддеровымъ. Съ этими тремя полками Бековичъ отправился въ море, отдавши приказъ драгунамъ и казакамъ выступить въ походъ въ будущее лѣто сухимъ путемъ. Его провожали изъ морскихъ Офицеровъ Капитаны Лебедевъ и Рентель, Лейтенантъ Кожинъ, Унтерлейтенантъ Давыдовъ и Штурманъ Бранлтъ. Онъ также взялъ съ собою корабельныхъ мастеровъ и разныхъ ремесленниковъ, которые нужны были для этой экспедиціи. Въ свитѣ его находился и Ходжа Нефесъ. Нѣкоторыя суда были готовы въ Астрахани, а другія вновь построены въ Казани. Всѣхъ судовъ было

до ста; они вышли из Астрахани в Сентябрѣ 1716 г., подъ командою Бековича.

Эта экспедиція пристала къ мысу Тукъ-Карагану, на которомъ Бековичъ, для обезопасенія себя, тотчасъ заложилъ крѣпость, получившую названіе *Тукъ-Караганской*. Въ ней оставилъ онъ Пензенскій полкъ гарнизономъ; командирами его были Полковники Хрущевъ и Анненковъ и Майоръ Соковнинъ (отъ этой крѣпости до Гурьева считали 350 верстъ, а до устья Эмбы 250). Мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ выгодно было для постоенія крѣпости; не доставало только прѣсной воды. Ее получали изъ выкопанныхъ колодцевъ, въ которыхъ вода сначала была свѣжа и чиста, но, къ несчастію, черезъ сутки она портилась, горькла и дѣлалась противною; а потому солдаты на другой день принуждены были копать новыя колодцы. Это такъ изнурило людей, что многіе изъ нихъ начали страдать разными болѣзнями. Въ 120 вер. отъ Тукъ-Карагана къ Югу есть заливъ, который соединяется съ моремъ узкимъ каналомъ. Онъ получилъ названіе, по имени Александра Бековича, *Александръ-Бай*. Здѣсь Бековичъ построилъ другую крѣпость, названную *Александръ-Биевою*. Безопасность мѣста, гдѣ построена была крѣпость, дала возможность Бековичу оставить здѣсь небольшой гарнизонъ, состоявшій изъ трехъ ротъ, подъ командою одного Майора. Наконецъ, построили третью и важнѣйшую крѣпость къ Югу отъ залива Карабугасъ, имѣющаго пучину, при началѣ залива Красноводскаго, гдѣ предполагали найти слѣды прежняго теченія Аму-Дарьи. Эту крѣпость поручили защищать полкамъ Крутойарскому и Руддеро-

ву. Она находится въ 300 вер. отъ залива Александръ-Бай и нѣсколько подальше отъ Астрабада.

Не весь заливъ называется Красноводскимъ; одна только Сѣверная часть именовалась *Красная-Вода*, а Южная заливомъ *Балханскимъ*. Южная часть (а теперь и обѣ части) залива получила названіе отъ высокихъ горъ, которыя отъ Сѣверо-Востока тянутся къ Юго-Западу и, подходя къ заливу Красноводскому, раздѣляются на двѣ отрасли: одна идетъ къ Западу, и, упираясь въ Сѣверную часть залива Красноводскаго, прерывается около мыса Кароменскаго; а другая тянется къ Югу и, облекая оконечность залива Красноводскаго горами: Когрисъ, Балканомъ, Шатской и Ламбыльской, теряется на Сѣверѣ залива Балханскаго. Раздѣленіе залива происходитъ отъ двухъ острововъ: Даргана и Нефтянаго, лежащихъ одинъ противъ другаго. Дарганъ, или теперь Лярджи, собственно полуостровъ, примыкаетъ къ Востоку, а островъ Нефтяной, или прежде Херриканъ, который вчетверо меньше Даргана, лежитъ отъ него къ Западу и получилъ названіе свое отъ найденнаго на немъ Нефтянаго ключа. Противъ отдаленнаго конца острова Даргана, говоритъ Соймоновъ, къ Сѣверу отъ Балханъ и въ разстояніи болѣе ста верстъ отъ Красноводской крѣпости, находится то мѣсто, гдѣ предполагалось найти прежнее русло Аму-Дарьи. Вѣроятно, полуостровъ Дарганъ не весь обойденъ Бековичемъ, который, какъ кажется, дошедши до половины его и замѣтивъ бухту, далеко простирающуюся въ твердую землю съ Сѣверной стороны полуострова, принялъ ее за проливъ, и полуостровъ Лярджи назвалъ островомъ Дарганомъ. Прежнее устье Аму-Дарьи, оты-

скиваемое Бековичемъ, находится, какъ видно по картѣ, противъ середины Даргана съ Сѣвера, между Сѣверными оконечностями горъ Балханскихъ и Юго-восточной стороны горы Угланской, близъ мыса Кароманскаго. Когда Бековичъ открылъ это мѣсто, то и пошелъ по слѣдамъ внутрь земли. За пять верстъ отъ залива (Красноводскаго), къ большей вѣроятности своего предположенія, нашелъ онъ еще нѣскольکو раковинъ; далѣе исчезли всѣ признаки прежняго теченія Аму-Дарьи.

Поручикъ Кожинъ утверждалъ, что предполагаемые слѣды прежняго теченія Аму-Дарьи находятся въ одномъ воображеніи и ничего не показываютъ въ подтвержденіе истины. «Впрочемъ, статья можетъ» — говоритъ Соймоновъ — «что сперва слѣды находятся, а далѣе скрыты. Сіе можетъ быть доказательствомъ для нашего мнѣнія, что рѣка не отведена, но земля возвышена землетрясеніемъ. Бековичъ могъ бы оное легко найти ватерпасомъ, если бы ему на мысль пришло, что такое случиться могло». Но Бековичъ твердо былъ увѣренъ, что рѣка была отведена Узбеками, и что онъ непременно откроетъ это, если слѣдующимъ лѣтомъ пойдетъ изъ Астрахани съ казаками и драгунами сухимъ путемъ мимо Аральскаго моря. Теперь надобно было ему ѣхать на лошадяхъ; но ихъ не лзя было перевезти черезъ море, по случаю наступившей зимы, и потому Бековичъ, въ Февралѣ 1717 г., черезъ Гурьевъ возвратился въ Астрахань, надѣясь въ слѣдующій годъ выполнить какъ свое предположеніе, такъ и возложенную на него обязанность Посланника къ Хивинскому Хану; съ нимъ пріѣхалъ въ Астрахань и Кожинъ, а въ крѣ-

пости Красноводской оставленъ начальникомъ Полковникъ Фонъ-деръ-Вейденъ.

Находясь въ Астрахани, Бековичъ приготовлялся къ новой экспедиціи и трижды посылалъ вѣстниковъ къ Хивинскому Хану съ увѣдомленіемъ, что къ нему лѣтомъ будетъ Русское Посольство. Бековичъ дѣлалъ это съ тою цѣлю, чтобы Хивинскій Ханъ обезопасилъ путь Русскимъ отъ Киргизъ-Кайсаковъ, кочевавшихъ по ту сторону Яика (между Эмбою и Ураломъ). Въ первый разъ былъ посланъ Грекъ, по имени Киріакъ, во второй—Астраханскій Дворянинъ Иванъ Воронинъ, а имя третьяго забыто. Но прибыли ли они въ Хиву—неизвѣстно; извѣстно только, что ни одинъ не возвращался изъ посольства.

Въ Іюлѣ 1717 г. отправился и самъ Бековичъ. Онъ еще до Пасхи послалъ часть своего войска въ Гурьевъ. Весь караванъ его состоялъ: 1) изъ помянутаго эскадрона Шведскихъ драгунъ, набранныхъ въ Казани; 2) двухъ пѣхотныхъ ротъ, которыя одинакожь были на лошадяхъ, какъ и всѣ прочіе; 3) изъ немногихъ артиллерійскихъ Офицеровъ и служителей съ пушками и достаточною аммуниціею; 4) изъ разныхъ морскихъ и адмиралтейскихъ служителей; 5) изъ Астраханскихъ Русскихъ Дворянъ, Мурзъ и 500 чел. Ногайскихъ Татаръ; 6) изъ 500 чел. Гребенскихъ Казаковъ; 7) изъ 500 чел. Яицкихъ Казаковъ подъ командою Атамана ихъ Никиты Бородина; 8) изъ 200 чел. купцевъ съ товарами, частию Русскихъ, частию Татаръ и Бухарцевъ и другихъ вольныхъ, которыхъ Бековичъ избралъ изъ большаго числа явившихся къ нему. Только Кожинъ остался въ Астрахани, обѣщая черезъ нѣсколько дней

выѣхать въ слѣдъ за ними. Астраханскій Губернаторъ хотѣлъ понудить Кожина къ отъѣзду вмѣстѣ съ Бековичемъ; но Кожинъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, и представилъ Бековича измѣнникомъ, который будто бы объявленные слѣды Аму-Дарьи утверждалъ для того, чтобы порученное ему войско отдать въ руки варваровъ. Губернаторъ пересталъ настаивать и Кожинъ остался въ Астрахани.

Экспедиція тронулась изъ Астрахани и ѣхала до Гурьева моремъ. Отъ Гурьева пошелъ Бековичъ съ своимъ караваномъ сухимъ путемъ. Черезъ два дни онъ былъ у Эмбы, черезъ которую переправился на плотахъ. Въ пятый день своего пути отъ Эмбы Бековичъ получилъ собственноручный Указъ Государя, въ которомъ повелѣно ему *отправить надежнаго и тамошніе языки знающаго человека черезъ Персію въ Индію, и оному приказать, чтобъ о всѣхъ обстоятельствахъ тѣхъ странъ, черезъ которыя онъ поѣдетъ, особливо о песочномъ золотѣ, прилежно навѣдался, и возвратился бы черезъ Китай и Бухарію.* Для этого дѣла Бековичъ избралъ Мурзу Тевкелева, который былъ въ его свитѣ. Тевкелевъ отправился моремъ и хотѣлъ идти водою въ Дербентъ, а оттуда сухимъ путемъ въ Шамахію и Испагань; но бурю его занесло въ Астрабатъ, гдѣ тамошній начальникъ Сафа-Кули-Ханъ арестовалъ его. Тевкелевъ нашелъ случай увѣдомить о своей участи Русскаго Посланника въ Испаниіи Артемія Волинскаго. Волинскій исходатайствовалъ у Шаха указъ объ освобожденіи Тевкелева. Въ это время случилось несчастіе съ Бековичемъ. Услышавъ объ немъ, Тевкелевъ от-

ложилъ свое путешествіе, и возвратился въ Астрахань.

Между тѣмъ, цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ дорогѣ каравана до Хана Хивинскаго. Караванъ далеко уже оставилъ за собою труднѣйшія мѣста, гдѣ онъ болѣе всего нуждался въ прѣсной водѣ, достигъ города Ургенчи, лежащаго (77° Сѣверной Широты и $41^{\circ} 30'$ Долготы) къ Югу отъ Аральскаго моря, такъ что до Хивы оставалось не больше ста верстъ, и уже радовался скорому окончанію опаснаго пути, какъ вдругъ, сверхъ всякаго чаянія, увидѣлъ себя среди многочисленнаго непріятельскаго войска, простирающагося до 24,000 чел. Узбековъ, Трухменцевъ, Киргизъ-Кайсаковъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ, которыми предводительствовалъ самъ Хивинскій Ханъ Ширгази. Три дни прошло въ непрестанныхъ сшибкахъ. Сколь жестоко нападали непріатели, столь мужественно оборонялись Русскіе. Въ это время Бековичъ подвигался все впередъ и своими дѣйствіями навелъ такой страхъ на непріателя, что многіе, спасая свои пожитки, бѣжали изъ Хивы въ совершенной увѣренности, что Русскіе торжественно вступятъ въ Хиву побѣдителями.

Когда Ханъ не зналъ, что дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ, явился къ нему Сартъ (Бухарецъ) Досимъ-Бай, Казначей Хана, который славился умомъ и хитростію. У этихъ народовъ нѣтъ обыкновенія питать глубокое уваженіе къ особѣ повелителя. Подданный живетъ съ своимъ Государемъ, какъ равный ему, и дозволяетъ себѣ говорить Хану разнаго рода укоризны. Такъ сдѣлалъ Досимъ-

Бай. Онъ предсталъ предъ Хана и сказалъ ему : «Ты безразсудно дѣлаешь , что хочешь побѣдить Россіянь силою оружія, которыхъ всѣ считаютъ непобѣдимыми. Здѣсь не оружіе, а хитрость и обманъ только умѣстны. Нужно напередъ заманить предводителя въ свои руки, а остальное ни почемъ». Ханъ совѣтовался объ этомъ съ знатнѣйшими изъ своего народа и положилъ начать переговоры.

Передъ Русскимъ лагеремъ показались двое переговорщиковъ съ значками въ рукахъ. Они дали знать, по тамошнему обыкновенію, что посланы отъ Хана для важныхъ объясненій. Будучи представлены Бековичу, они сказали, что «нападеніе со стороны Хивинцевъ происходило отъ незнанія, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и съ какимъ намѣреніемъ Русскіе идутъ въ ихъ землѣ; но теперь пріятель Хана нашего, Калмыцкій Ханъ Аюку, увѣдомилъ Хивинцевъ, что Князь Александръ Бековичъ отправленъ въ Хиву Посломъ отъ Великаго Государя Императора Всероссійскаго, и потому Ханъ приказалъ въ ту же минуту прекратить всѣ непріятельствія дѣйствія, готовъ принять Посла съ надлежащими почестями, и потому желаетъ, если то угодно будетъ Князю Бековичу, послать знатнѣйшихъ изъ своего народа въ Русскій лагерь съ переговорами о принятіи съ должнымъ уваженіемъ Русскаго посольства».

Хивинское войско съ этого дня дѣйствительно не показывало никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Бековичъ приписывалъ это скорѣе хитрости Трухменцевъ, чѣмъ ихъ дружеству: потому что онъ не вѣрилъ, чтобы изъ трехъ посланныхъ изъ Астрахани

съ предварительнымъ извѣстіемъ о Русскомъ посольствѣ никто не достигъ Хивы. Бековичъ думалъ — и очень основательно, — что посланные задержаны Ханомъ, съ тѣмъ чтобы Русскіе не получили никакого извѣстія о непріязненныхъ приготовленіяхъ Хана. Съ нимъ раздѣляли настоящее мнѣніе Русскіе и Нѣмецкіе Офицеры. Одинъ Князь Самановъ былъ противныхъ мыслей. Онъ сказалъ: «можно ошибиться въ своемъ подозрѣніи. Бековичъ можетъ принять къ себѣ посольство Хана: лучше вступить въ переговоры, нежели вѣрять судьбу свою невѣрному рѣшенію оружія». Въ это время Бековичъ получилъ извѣстіе о смерти своей супруги. Эта печаль и дружество Саманова заставили Русскаго Посла почти машинально склониться на сторону Персидскаго Князя.

Хивинскіе Посланники явились въ Русскій лагерь. Четыре дня тянулись переговоры. Въ это время Ханъ присылалъ Посла за Посломъ, съ увѣреніемъ, что онъ желаетъ мира. Наконецъ рѣшили, чтобы Бековичъ пошелъ къ ставкѣ Хана на аудіенцію, въ сопровожденіи 500 чел. вооруженныхъ, и чтобы ни та, ни другая сторона не имѣла никакихъ опасеній въ непріязненности другъ къ другу. Последний пунктъ обѣ стороны утвердили присягою по своему обыкновенію.

Бековичъ съ нѣкоторыми Офицерами, въ сопровожденіи 500 чел. Яицкихъ Казаковъ, пошелъ въ Хивинскій лагерь, который отъ Русскаго отстоялъ на такое пространство, что въ немъ ничего не лзя было замѣтить. Лишь только Бековичъ подошелъ къ

лагерю, какъ, вмѣсто аудіенціи, былъ окруженъ множествомъ непріятелей и взятъ подъ караулъ. Кто вздумалъ—было обороняться, тотъ былъ изрубленъ на мѣстѣ, а кто сдался, тотъ отведенъ въ неволю. Майоръ Франкенбергъ былъ оставленъ начальникомъ въ Русскомъ станѣ. Хивинцы вынуждали Бековича посылать приказъ за приказомъ къ Франкенбергу, чтобы онъ раздѣлилъ остатокъ войска на части и вступилъ бы въ квартиры, по указанію Хана. Франкенбергъ догадался, въ чемъ дѣло, и не хотѣлъ сначала повиноваться вынужденнымъ приказаніямъ своего начальника. На третій приказъ догадливый Майоръ отвѣчалъ Хивинскимъ посланцамъ: «Не трудно понять, что мой начальникъ дѣлаетъ эти приказанія по-неволѣ. Я готовъ повиноваться Бековичу, когда услышу приказъ изъ устъ его въ Русскомъ лагерьѣ. Но теперь пусть извинитъ». Наконецъ Франкенбергъ получаетъ четвертый приказъ съ угрозами, что онъ, какъ ослушникъ командѣ, имѣетъ ожидать строжайшаго наказанія за неповиновеніе Начальству, если въ ту же минуту, по полученіи приказа, не разведетъ войска на показанныя квартиры.

Франкенбергъ усомнился въ своемъ предположеніи; раздѣлилъ войско, поставилъ его на квартиры и отдался во власть судьбѣ. Лишь только войско разведено было по разнымъ мѣстамъ, какъ напало на него множество непріятелей, и всѣхъ, кто защищался, изрубили, а остальныхъ отвели въ плѣнъ. Тотчасъ послѣ этого данъ былъ Ханомъ приказъ отсѣчь голову и Бековичу, а Саманова изрубить въ куски.

Хивинскій Ханъ думалъ, что онъ совершилъ великое дѣло, и что лишь только онъ объявить объ этомъ сосѣдямъ, не будетъ конца похваламъ и радости. Въ этомъ самообольщеніи онъ тотчасъ отправилъ Посланника къ Бухарскому Хану съ извѣстіемъ, что знаменитѣйшій мужъ, Посланникъ Великаго Императора Россійскаго убитъ, а войско его или изрублено или забрано въ плѣнъ. Въ доказательство своего торжества онъ храбрый Ханъ Хивинскій посылаетъ къ нему Хану Бухарскому и голову самаго Посланника Русскаго. Ханъ Бухарскій ужаснулся злодѣйству своего сосѣда, и, наслышавшись объ этомъ преступленіи еще до прибытія къ нему Посланника Хивинскаго, далъ приказъ не допускать къ себѣ варвара, а выслать къ нему только съ вопросомъ: «Не звѣрь ли кровожадный вашъ Ханъ? Отнесите голову къ нему назадъ: я омываю руки въ этомъ безчеловѣчномъ поступкѣ».

Петръ Великій крайне сожалѣлъ объ этомъ несчастіи; но тогдашнія его дѣла со Шведами не позволяли ему достойно отмстить Хивинскому Хану за нарушеніе неприкосновенныхъ правъ посольства. Въ этомъ случаѣ онъ утѣшалъ себя, по крайней мѣрѣ, мыслию — проложить путь Русскимъ въ Индію, надѣясь на Бухарскаго Хана. Поэтому Государь чрезъ Пруссію отправилъ въ Бухарію Посланникомъ Италіянца Флоріо Беневени, знавшаго языки Персидскій, Турецкій и Татарскій, и который служилъ Секретаремъ при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Но это не касается настоящей экспедиціи, и потому мы обратимся къ описанію участи оставшихся послѣ Бекovichа.

Тремъ гарнизонамъ, оставленнымъ въ трехъ крѣпостяхъ при Каспійскомъ морѣ, не оставалось никакой надежды держаться болѣе въ этихъ крѣпостяхъ : имъ нужно было заботиться теперь только о собственномъ спасеніи и о возвращеніи на родину. У нихъ были въ готовности суда, на которыхъ они должны были переѣхать въ Астрахань. Но Красноводскій гарнизонъ не успѣлъ переправиться черезъ море. На него напали Трухменцы, увѣрившіе прежде Русскихъ въ своей дружбѣ и въ готовности помогать во всемъ. Они думали управиться съ этимъ гарнизономъ такъ же легко, какъ и съ Бековичемъ. Прелесть добычи, которую они надѣялись найти въ лагерѣ, въ припасахъ, въ самыхъ плѣнныхъ, опредѣленныхъ заранее на продажу, все это льстило имъ и придавало смѣлости къ нападенію. Но Полковникъ Фонъ-деръ-Вейденъ удержалъ ихъ ярость. Онъ приказалъ на Красноводскомъ перешейкѣ сдѣлать шанцы изъ мучныхъ кулей и стать въ оборонительное положеніе. За каждое покушеніе переступить мучные шанцы, Трухменцы дорого платились. Наконецъ Фонъ-деръ-Вейденъ не хотѣлъ болѣе подвергаться опасности. Онъ сѣлъ на приготовленные суда, оставилъ шанцы голодному непріятелю, и отправился чрезъ море въ Астрахань. Къ несчастію, два судна были разбиты при Западномъ берегѣ Каспійскаго моря, и здѣсь погибло 400 чел. солдатъ Фонъ-деръ-Вейдена; спаслись немногіе.

Около этого времени Поручикъ Кожинъ отправился изъ Астрахани въ Петербургъ. Въ Саратовѣ онъ узналъ отъ Аюкъ-Хана о несчастіи, постигшемъ Бековича, и объ участи всей его экспедиціи. Это при-

дало духа Кожину, и онъ думалъ здѣсь найти оправданіе передъ Государемъ въ своемъ послушаніи Бековичу. Но лишь только Кожинъ прибылъ въ Петербургъ, въ ту же минуту былъ арестованъ и преданъ военному суду. Впрочемъ, отговорка, что въ Красноводскомъ заливѣ не замѣтно никакихъ слѣдовъ прежняго теченія Аму-Дарьи, замедлила рѣшеніе суда. Повелѣно дѣло переизслѣдовать. И потому, въ началѣ 1718 г., отправлены на Каспійское море Поручикъ флота, Князь Василій Урусовъ вмѣстѣ съ Кожинымъ. Урусовъ, въ Маѣ отправившись изъ Астрахани, съ особеннымъ вниманіемъ изслѣдовалъ дѣло, и донесъ Государю о справедливости показаній Поручика Кожина.

В. ЛЕБЕДЕВЪ.